

Интервью с Нурсафой Гафуровной ХАЙРУЛЛИНОЙ

«УЖЕ 25 ЛЕТ Я СОВМЕЩАЮ ДВА ЛЮБИМЫХ ДЕЛА: ЗАНИМАЮСЬ СОЦИОЛОГИЕЙ И ПРЕПОДАЮ»

Хайруллина Н. Г. — окончила экономический факультет Тюменского государственного нефтегазового университета (1988 г.); доктор социологических наук (2001 г.); профессор кафедры социологии Тюменского государственного нефтегазового университета. Основные области научного интереса: этносоциология, культура, менеджмент. Интервью состоялось: сентябрь 2014-январь 2015 г.

Середина марта 2015 года, счет проведенных за десять лет интервью с советскими / российскими социологами перевалил за 100; аналогичное относится и к количеству вводных текстов. Когда-то эти «вводки» были короткими и одномерными: несколько слов, представлявших моего собеседника. Но, начиная с конца 2014 года, когда актуализировалась проблема подведения итогов многолетнего исследования прошлого-настоящего российской социологии и явно обозначился вопрос о продолжении научных поисков, мне показалось оправданным различные аспекты этих тем рассматривать во вводных текстах. Таким образом, их содержание стало более богатым, а объем — более значительным.

Прежде всего, отмечу, еще не зная, как долго я буду заниматься интервьюированием моих коллег и анализом полученной информации, я начал достаточно часто «смотреть назад», подводить итоги сделанного. Сначала была статья «Биографии для истории», написанная в 2006 году; в ней был отражен опыт первых двух лет работы по данному проекту [1]. Через полгода эта тема обсуждалась в диалоге с Ларисой Козловой, озаглавленном «Захочет ли граф Калиостро посетить моих героев?» [2].

В первом выпуске журнала «Телескоп» за 2009 год подводились итоги четырехлетних теоретических и эмпирических разработок [3], и опять моим слушателем и критиком была Л. Козлова.

Летом 2011 года появилась возможность рассмотреть сделанное за семь лет и попытаться заглянуть в недалекое будущее [4]. Прошло еще три годы, и в новом обмене мнениями через океан с Ларисой Козловой, состоявшемся летом 2014 года, обсуждалось сделанное за десять лет [5]. Столь частое суммирование методических и содержательных трендов обосновано множеством обстоятельств, и одно из главных — осознание возможности потери или серьезного отклонения от генерального курса исследования.

Последняя сверка сделанного за весь период проведения интервью и разработки методологии историко-социологического анализа кратко была осуществлена в конце первой десятидневки февраля текущего года, на пороге завершения сотой беседы [6].

И здесь следует подчеркнуть, что увеличение числа интервью — это не просто рост массы биографической информации, это изменение ее масштабности и, как следствие, возникновение новых направлений анализа коллекции данных. Содержание интервью с тюменским профессором социологии Нурсафой Гафуровой Хайруллиной подтверждает сказанное. В уже ставшие далекими годы становления исследования опрошенных социологов было мало, большинство из них принадлежало к первым двум поколениям и работало в Москве и Петербурге. Поэтому фактически можно было вести лишь *личный* анализ, т.е. выявлять пути, которыми философы, экономисты, историки, математики приходили в социологию, как они осваивали язык, понятия, методы новой науки.

Рассказанное Нурсафой Хайруллиной можно и нужно исследовать в личном ключе (более сотни человек), но к тому же есть возможности для рассмотрения этой информации в *поколенческом* и *географическом* направлениях.

Хайруллина принадлежит к пятому поколению отечественных социологов (те, кто родился в промежутке между 1959 и 1970 годами), но кроме нее к этой когорте принадлежит 13 человек, так что имеются предпосылки для проведения внутр поколенного анализа. Более того, траекторию ее профессиональной жизни можно сделать и объектом межпоколенного изучения.

Безусловно, сказанное распространяется не только на материалы интервью с Хайруллиной, но на всё, что было собрано ранее и будет получено позже, многое в таком типе исследования, каковым является данный проект, конституируется постепенно. Многое делается не на основе ранее выдвинутых гипотез, поставленных задач, а в ответ на «голос» эмпирического материала. Пока количество проведенных интервью было небольшим, «голос» материала был слабым. Однако в какой-то момент он становится слышен, и на него нельзя не реагировать.

Интервью с социологами Тюмени начались давно, так, беседа с Юлией Беспаловой состоялась на рубеже 2010-2011 годов. Но потом образовалась пауза. Следующее интервью — с Людмилой Лебедевой — состоялось в мае — сентябре 2014 г. Зато в конце 2014 — начале 2015 годов одно за другим были проведены интервью еще с шестью тюменскими социологами. Таким образом, беседа с Нурсафой Хайруллиной — девятая с исследователями этого города. И если еще полгода назад не могло возникнуть замысла изучения тюменских социологов как некоей самостоятельной общности, однако теперь такая задача может быть поставлена.

Это будет *локальный* пространственный, географический уровень анализа. Но если заметить, что к настоящему времени завершено шесть интервью с социологами Екатеринбурга, то можно переходить уже к *региональному* географическому разрезу: Урал и Западная Сибирь. Можно идти и дальше; в моей коллекции есть беседы с социологами Красноярска, Иркутска, Хабаровска и Комсомольска-на Амуре. Так стал просматриваться еще один пространственный пласт – Азиатская часть России. Наличие значительного массива информации с социологами Москвы (свыше 40 человек) и Петербурга (более 30) – позволяет обстоятельно изучить социологов этих городов; в будущем интересным может оказаться сопоставление столичной и региональной социологических сред.

Нурсафа Хайруллина не скрывает возраст, она пишет, что родилась 1 мая 1965 года. Так что это интервью – своего рода сумма прожитого и рассказ о сделанном за полвека. И итог этот весьма оптимистичный: «Вот уже 25 лет я имею уникальную возможность совмещать два любимых дела – заниматься социологией и преподавательской деятельностью, причем они дополняют друг друга, позволяя мне постоянно развиваться, расти, совершенствоваться и самореализовываться. В этом отношении я счастливый человек».

Излагать всю траекторию жизни Нурсафы нет смысла (все есть в интервью), но её начало обозначу. Тюмень, простая татарская семья, отец – строитель (он рано умер), мать воспитывает трех девочек; теперь – короткий фрагмент интервью: «Мы росли без отца, мама изо всех сил старалась, чтобы мы жили не хуже других. В детстве социальная несправедливость воспринималась мною особенно остро. Я стеснялась, что у меня нет отца, стеснялась, что татарка, стеснялась питаться бесплатно в школе, и поэтому отказалась от такого питания. А когда не поступила в техникум (диктант нам даже не показали), не вернулась в школу (опять постеснялась), а поступила в Торгово-экономическое училище, которое закончила с отличием, и поступила в Тюменский индустриальный институт на инженерно-экономический факультет (профильный по моему образованию), сдал один экзамен на пятерку и набрав максимальное количество баллов. Забегу вперед, я вернулась спустя 25 лет в структурное подразделение ТюмГНГУ – Торгово-экономический колледж (бывшее Торгово-экономическое училище), став его директором».

К 36 годам Нурсафа Хайруллина – в детстве стеснительная, но не робкая, девушка – закончила Тюменский государственный нефтегазовый университет (тогда он был Институтом) и стала доктором социологических наук. Вскоре она – профессор, проректор.

В биографии Нурсафы Хайруллиной очень интересно соотносятся личностное, начиная от *предбиографии*, *поколенческое* и *географическое*. И итог – высокий уровень биографичности ее социологического творчества.

1. Докторов Б. Биографии для истории // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 1. С. 10–22 http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1213796252400955file.pdf.

2. Докторов Б., Козлова Л. Захочет ли граф Калиостро посетить моих героев? http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/doktorov_kozlova.html.

3. Докторов Б., Козлова Л. «Телескоп» смотрит в прошлое. Беседа об изучении истории современной российской социологии // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 1. С. 2 – 15 http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content12357255464727file.pdf.

4. Докторов Б. К семилетию рубрики «Современная история российской социологии» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 5. С.2-10. http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_2/article_content1356939805257404file.pdf

5. Историко-биографическое исследование российской социологии: к десятилетию проекта. Б. Докторов отвечает на вопросы Л. Козловой // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2014. № 4. С. 19-28. <http://www.cogita.ru/cogita/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/10-let-2013-unikalnomu-proektu-istoriya-sovremennoi-rossiiskoi-sociologii-v-licah>

6. Докторов Б. 100 биографических интервью с коллегами-социологами <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/sovetskaya-rossiiskaya-sociologiya-bolshoi-portret>

Хайруллина Н. Г. «Уже 25 лет я совмещаю два любимых дела: занимаюсь социологией и преподаю»

Нурсафа, в последние годы я все большее внимание уделяю предбиографии моих собеседников, т.е. изучению семьи человека до его рождения. Насколько глубоко (далеко) Вы знаете историю своей родительской семьи? Кто Ваши родители и предыдущие поколения, где они живут (жили)...?

Историю родительской семьи я изучала по-разному. В семь лет впервые с мамой уехали из Тюмени в другой город, в Казань, на родину моих предков по материнской линии. Мама знакомилась сама и знакомила меня с родственниками, спустя 20 лет уже я везла маму в Казань к родственникам. Но опыт непосредственного общения у меня был только с одной бабушкой (мамой моей мамы) Сабирой. Она родилась в Казани и вместе со своими родителями (их звали Бибизахида и Мухамадвафа) в 1912 году вынуждена была покинуть родные края в поисках лучшей жизни (их фотографии мне передали родственницы осенью 2014 г., фотографиям 102 года) во время массового голода в Поволжье. Знаю, что отца моей прабабушки звали Шамсутдин.

Бабушка была единственным ребенком в семье. В поезде многие заболели тифом, от них заразились и родители бабушки, через несколько дней они умерли. Сабира осталась сиротой. Конечная станция, куда прибыл поезд, называлась Боготол, это за Томском. Помню, когда я ездила в служебную командировку в Томск на поезде, то проезжала мимо этой станции. Можете представить мое состояние, как я волновалась, вспомнив эту историю. Бабушка вышла на конечной станции одна, как она обустроилась, не запечатлелось в моей детской памяти, но знаю, что она там вышла замуж, а через несколько месяцев, набирая воду в колодце, встретила проходивших мимо родственников, которые следующим поездом приехали в Боготол. Представляете, она с ними убежала и вернулась сначала в Ялуторовск (75 км от Тюмени), после – в деревню Менгар (59 км от Тюмени). В этой деревне она прожила всю свою жизнь, здесь она вышла замуж за Ахмэтжана и у них родились дети, одна из них моя мама Хадия. Дед был трудолюбивый, имел маслобойню и за это в 1937 году его репрессировали. Спустя шестьдесят лет я собирала документы, необходимые для оформления льгот для репрессированных родственников. Мне пришлось запросить документы в архиве Комитета государственной безопасности. В одну из встреч мне вынесли дело моего деда, я видела его роспись под показаниями, подписи «тройки» односельчан, которые решили его судьбу и судьбу его детей, мою судьбу. В своей жизни я никогда его не видела, как и не видела дедушку со стороны отца. Он ушел на фронт, но не добрался даже до места назначения, их эшелон попал под бомбежку. Бабушка со стороны отца умерла в феврале 1965 года, а я родилась 1 мая того же года. Так что и ее я не видела. По словам мамы, родители моего отца также мигрировали из Казани, но надежда, что связь с казанскими родственниками будет найдена, есть, не все потеряно, все еще впереди. Мой двоюродный брат, сын старшего брата моего отца, два года назад разыскал и ездил к отцовским родственникам в Казань, следующий шаг за нами.

Отец мой Ахметшин Гафур родился и до женитьбы жил в деревне Якуши, в 15 км от Тюмени. После свадьбы они некоторое время жили у родственников в Тюмени, потом папа получил первое жилье (в бараке на переулке Молодогвардейцев), где прожили до мая 1972 года. Папа работал каменщиком и строил дом, в который мы переехали, это была новая трехкомнатная квартира, а в декабре папы не стало. Восемь лет назад я решила показать своим детям дом, где прошло мое детство. К сожалению, на месте барака мы нашли коттедж за высоким забором. Не зря говорят, не стоит возвращаться в прошлое, и я не раз в этом убеждалась.

Нас в семье у родителей три дочери, я младшая. Отец так долго ждал сына, но не дождался, поэтому ко мне относился как к сыну, катал на велосипеде (помню, как однажды моя нога попала между спиц), постоянно давал деньги на карманные расходы, иногда даже брал с собой в «пивную». Возле кинотеатра «Октябрь», там, где сегодня работает «Железнодорожный ЦУМ», продавщица из бочки на колесах продавала разливное пиво, иногда квас, а мужчины после работы пили пиво или квас из больших, толстых стеклянных кружек, стоя за столиками на высоких ножках, я умещалась под этим столом.

Мама моя после смерти отца не вышла замуж (хотя предложения поступали), мы были против (жаль, что мы осознали это поздно), да и мама боялась выходить еще раз замуж, папа, предчувствуя свой ранний уход, часто предупреждал, что после смерти будет смотреть на нее с небес. Мама богобоязненный и очень религиозный человек, трудолюбивая и в свои 83 года помогает нам по хозяйству и с правнуками, их у нее десять.

Со старшей сестрой у меня разница в возрасте шесть лет, она очень беспокойная, всегда старается всем помочь; раньше помогала детям готовиться к экзаменам по русскому языку и математике, сейчас с внуками помогает. Она много читает, особенно медицинскую литературу, всегда подскажет, какое лечение требуется при тех или иных симптомах, безошибочно ставит диагноз и «выдает» рецепт на лечение по телефону. У сестры трое детей, 3 внука и 5 внучек, скоро должен родиться внук. Средняя сестра (помню, в детстве она мне пришивала белые воротнички и манжеты на школьную форму, брала на внешкольные мероприятия своего класса, мне было интересно с ними, хотя я младше на четыре года) работает учительницей в школе, преподает математику. Интересный факт из жизни моих сестер: они в один год поступили в Индустриальный институт (старшая после окончания Машиностроительного техникума, средняя после школы) на машиностроительный факультет и учились все пять лет в одной группе. В тот год, когда они окончили «Индуc» (1983 г.), я в него только поступила. У нее один сын, и, в отличие от нас с сестрой, она пока не бабушка.

Нурсафа, спасибо большое... даже читать трудно, представляю, как сложно было все это писать. Что поделаешь, такова наша история... Возможно, мы вернемся к рассказанному Вами, а сейчас перейдем к Вашему детству. Вы были домашним ребенком или ходили в детский сад? Когда научились читать?

Поскольку я была последним ребенком, то находилась под опекой старших сестер больше, чем под родительской. Читать и считать я научилась рано, в пять лет уже читала много и взахлеб, благо библиотека находилась в пяти минутах от дома. Я каждый день брала читать по 5–10 детских книжек большого формата

с крупным шрифтом, моя первая книжка «Краденое солнце» К. Чуковского. Когда я возвращалась в тот же день за новыми книжками, библиотекарь считала, что я беру книжки, чтобы дома посмотреть картинки. В пять лет я писала такие слова, как миллион и миллиард, этим я всегда гордилась, и когда сверстниц просила (для проверки) написать эти слова, они всегда ошибались. Я была «домашним» ребенком, в детский сад я ходила только один день. Мама рассказывала мне, что я проплакала весь день и на следующий день меня оставили дома. Домашний ребенок у меня ассоциируется со спокойным, послушным, исполнительным ребенком, а я была «домашней» только потому, что находилась часто дома одна. Я росла свободной, мне все позволяли, сестры брали меня везде с собой, я часто их не слушала, а они меня всегда пытались как-то усмирить, прятались от меня или просто завязывали мне на улице глаза шарфом, говорили, что ведут меня «куда-нибудь», а на самом деле вели домой. Представляете мое разочарование...

Так что в смысле грамотности Вы были готовы к школе, но не было ли проблем с включением в большой, незнакомый коллектив детей?

Полагаю, что проблем не было, иначе я бы это запомнила. Пытаюсь вспомнить... и не могу. Думаю, что это было связано с рядом причин. Мои старшие сестры не отзывались негативно о школе, а мне всегда нравилось учиться новому. В первом классе у меня появились две подружки, с которыми я дружила до конца школы, но только с одной из них – Маргаритой – дружба продолжается и сегодня. Далее (а может, это самое главное), наша соседка по площадке – Елена Карловна Деева, работала в школе учителем начальных классов и приходила к маме каждый вечер, причем приносила с собой две стопки школьных тетрадей для проверки и целую сумочку с лекарствами. Первая стопка – тридцать тетрадей по русскому языку, вторая – тридцать по математике. И знаете, Елена Карловна, мне доверяла не только их проверять, но и ставить ручкой с красной пастой оценки в тетрадках. Я проверяла и классные, и домашние работы своих сверстников.

С грустью вспоминаю о моей первой учительнице, Галине Александровне Кукарских, которая постоянно меня заставляла менять наклон почерка. Буквы из под моего «пера» выходили прямыми, а она заставляла меня писать их с наклоном вправо, и ей это удавалось. Сейчас у меня почти каллиграфический почерк. И последнее, я всегда была общительным ребенком. После школы во дворе всегда находила общий язык с девчонками и мальчишками. Чего мы только не вытворяли: плавали на самодельном плоту по котловану, забирались на «стройку» девятиэтажного дома (а в начале семидесятых годов это была редкость), собирали иргу (ягода, от которой язык и губы становились синими) в школьном саду и многое чего еще было.

Какие интересы проявились и стали развиваться в старших классах? Увлекала ли Вас общественная работа, ведь тогда практически все были членами ВЛКСМ.

Не могу сказать, что увлекала общественная работа, я, как все мои сверстники, сначала стала октябренок, потом (со второй попытки, за не совсем примерное поведение) пионеркой, после вступила, как все, в ВЛКСМ, но в этот период организация уже не являлась такой активной, как в 1970–1980-е годы. Я много читала, готовилась к урокам полит.информации (по четвергам целый

урок отводился), участвовала в конкурсах, проводимых на городском уровне. Помню, как стала победительницей в городском конкурсе по противопожарной тематике, меня поздравили и подарили деревянные ракетки для бадминтона (одну ракетку я храню у себя). Тогда иметь ракетки для бадминтона было роскошью, в магазине их нельзя было купить, как и сгущенное молоко или автомобили. Мои дворовые ребята в очередь стояли, чтобы поиграть, и у меня это здорово получалось и получается сегодня. Если бы председатель Правительства Медведев Д. В. объявил конкурс по этому виду спорта, я бы его не подвела точно. В конкурсе по правилам дорожного движения мы победили, и команда нашего класса поехала на финальный этап в Ростов-на-Дону.

Как в целом Вы учились в школе, какие школьные предметы нравились больше, какие были раздумья о будущей профессии по окончании школы?

Училась я легко, без особых усилий, поскольку в школу я пошла подготовленной. До пятого класса любила математику, а спустя многие годы, осознав роль педагога, думаю, что я больше любила учительницу, она так хорошо вела предмет, что с ним у меня не было никаких трудностей. Признаюсь, больше таких педагогов-математиков не встречала ни в школе, ни в вузе (не хочу обидеть никого). Отношение к своему предмету не изменилось и сегодня, я это осознаю на примере школьных учителей (сын школьник, и дочь училась) и на примере вузовских преподавателей (и чаще – со степенями). Я уверена, что непонимающих учеников не бывает (редкое исключение, не дано Богом), бывают незнающие и не осознающие себя как учителя.

Поскольку, повторюсь, с первого класса я проверяла тетрадки учеников (до тех пор, пока Елена Карловна не вышла на пенсию), именно в первом классе я решила, что буду учительницей. Эта игра в учителя происходила не только во время проверок настоящих тетрадей, мне этого было мало. Я заводила школьные тетрадки своим куклам, писала за них домашние работы, проверяла и выставляла оценки. Моя мечта сбылась спустя двадцать лет, когда я впервые зашла на занятие в студенческую группу. Я не сразу стала преподавать, после окончания Тюменского индустриального института я два года успешно проработала в отделе социально-экономических исследований под руководством Анатолия Николаевича Силина, а после системной «агитации» Сергея Геннадьевича Симонова перешла на преподавательскую работу в Альма-матер. Забегу вперед, работа в отделе у А. Н. Силина пробудила во мне интерес к социологии (как оказалось на всю жизнь). Отдел занимался проведением социологических исследований на предприятиях Тюменского Севера. Мое первое социологическое исследование – организация спортивно-оздоровительной работы в структурных подразделениях ГлавТюменьнефтегаз, и я с ним справилась. По материалам данного исследования я в 1989 году выступала в Тюмени на областной научно-технической конференции «Современные технологии и технические средства, повышающие технико-экономические показатели строительства нефтегазо-разведочных скважин» с докладом «Проблемы социальной удовлетворенности молодых геологоразведчиков в районах нового освоения».

Вот уже 25 лет я имею уникальную возможность совмещать два любимых дела – заниматься социологией и преподавательской деятельностью, причем они дополняют друг друга, позволяя мне постоянно развиваться, расти, совершенствоваться и самореализовываться. В этом отношении я счастливый человек.

Почему предпочтение было отдано Тюменскому индустриальному институту, а не, скажем, педагогическому? На какой факультет Вы поступали? По мере обучения не возникало мысли о том, что не то выбрали? Не хотелось сменить специальность или даже институт?

1970–1980 гг. это был период дефицита – в магазинах ничего не было, а если завозили, то разбирали моментально, и хлеб, и сгущенку и остальное. И когда в восьмом классе нам сказали, что в девятый пойдут не все, а только лучшие – отличники и ударники (я училась очень хорошо), то по совету старшей сестры и мамы решила поступать в торговый техникум. Мы росли без отца, мама изо всех сил старалась, чтобы мы жили не хуже других. В детстве социальная несправедливость воспринималась мною особенно остро. Я стеснялась, что у меня нет отца, стеснялась, что татарка, стеснялась питаться бесплатно в школе, и поэтому отказалась от такого питания. А когда не поступила в техникум (диктант нам даже не показали) не вернулась в школу (опять постеснялась), а поступила в Торгово-экономическое училище, которое закончила с отличием и поступила в Тюменский индустриальный институт на инженерно-экономический факультет (профильный по моему образованию), сдав один экзамен на пятерку и набрав максимальное количество баллов. Забегу вперед, я вернулась спустя 25 лет в структурное подразделение ТЮМГНГУ – Торгово-экономический колледж (бывшее Торгово-экономическое училище), став его директором. Моей радости не было предела, когда среди учителей и мастеров я встретила тех, кто меня учил торговому мастерству. Среди них Алевтина Васильевна Пичуева (блокадница Ленинграда, приехавшая в Тюмень по распределению, у которой в трудовой книжки была одна запись – год поступления на работу в училище). Ее знания и знания других педагогов остались у меня на всю жизнь, это их умение учить и передавать знания позволяют утверждать мне, что нет глупых и ленивых учеников, есть учителя, которые не умеют или не хотят передавать знания ученикам.

Я не жалею, что поступила в ИНДУС, ведь со второго курса я начала заниматься научной работой под руководством Аллы Петровны Невской на кафедре «Экономики, организации и управления на предприятиях топливно-энергетического комплекса». Именно ее заботливое, человеческое отношение к нам (спустя годы не вспомню, кто еще был закреплен за ней из нашей группы, знаю, что это 5–6 сокурсников), ко мне в частности, придало уверенности в себе, в своих силах. Алла Петровна всегда занималась самыми актуальными направлениями на кафедре, теми, которые были на пике актуальности. Она в середине 1980-х годов первой стала заниматься трудовыми отношениями, затем нормативами, а мы с ней учились вместе рассчитывать трудозатраты научных работников, нефтяников, буровиков, геологов и др. категорий работающих. Для этого она отправила нас в Тюменскую областную библиотеку, где я работала с такими каталогами, с которыми не каждому было позволено работать. Я искала методики, которыми пользовались ученые в других регионах, других научно-исследовательских институтах. Спустя тридцать лет признаю, что она мне открыла этот долгий путь

в науку, долгий и интересный, увлекательный, затянувший меня на всю жизнь. Алла Петровна скромно и добросовестно выполнила свою миссию – направила мою жизнь в нужное русло, что впоследствии повлияло на судьбы не одного десятка моих студентов, которые последовали моему примеру и связали свою жизнь с научной и педагогической деятельностью. А она так и не защитила свою кандидатскую диссертацию, осталась ВАКовским доцентом и до 2003 г. работала со студентами Тюменского государственного университета на кафедре «Налоги и налогообложение».

Какая научная тематика Вас привлекла в «Индусе»? Что это за каталоги, в которых не всем можно было работать?

В библиотеке есть отдельные помещения, в которых работают только сотрудники. Там на многочисленных полках плотно стояли (тридцать лет назад, сегодня я уверена, их нет) реферативные библиографические указатели по всем научным направлениям. Они, как сейчас помню, стояли по годам. И в каждом указателе я искала научные работы, вышедшие по исследуемой тематике в рамках НИРС (научно-исследовательской работы со студентами). Как я уже говорила, тематика была чисто экономическая – методики определения трудозатрат, методики по нормированию оплаты труда и др. Далее по этим указателям я смотрела, есть ли она в библиотеке, а если отсутствовала, то изучала возможность заказа через МБО (систему межбиблиотечного обмена). Но это требовало много времени, и не всегда присылали нужную литературу, поскольку востребованная литература, как правило, была на руках у других читателей. Я очень часто приходила в отдел, просила сотрудников принести книги то из одного перечня, то из другого, если они не подходили, я заказывала другие книги, поэтому мне предложили в зале каталогов искать нужные книги самой. В декабре 2014 г., выступая на презентации в Тюменской областной научной библиотеке им. Д. И. Менделеева, я как первый рецензент библиографического указателя «Сибирские татары» поблагодарила составителей за библиографический указатель, а после вспомнила о сотрудниках, которые разрешали мне индивидуально работать в зале каталогов, брать домой книги, чтобы работать ночью, пока дочка спала. Вот так на втором курсе университета у меня зародился интерес к науке, а в шесть лет – к преподавательской работе.

Когда Вы выбрали кафедру для специализации, какие темы наиболее привлекали Вас? К какому курсу Вы уже определились со своими научными интересами?

Все не так просто, как кажется. На втором курсе я решила заняться научной деятельностью, без какой-либо отраслевой направленности. Привязка появилась к научному руководителю. Повторюсь, с детства я мечтала быть учителем, а из меркантильных соображений чуть не стала торговым работником, но мои склонности к учебе, желание познавать новое через чтение огромного количества книг, добросовестные, настоящие педагоги, встретившиеся на моем жизненном пути в училище, позволили мне получить диплом с отличием и задуматься о продолжении образования. А ведь все могло закончиться не так, как сложилось... Примерным поведением я не отличалась с детства, характер был независимый и прямолинейный, это привело к тому, что за поведение мне ставили удовлет-

ворительную оценку. И все же мне хотелось получить «красный» диплом. Сама не знаю, как я в этом призналась старшей сестре (только сейчас, когда я об этом вспоминаю, я понимаю, какую роль она сыграла в моей жизни), и она пошла «просить» преподавателя биологии, с которой у меня не сложились отношения и которая наотрез отказывалась мне поставить четверку за поведение. На «красный» диплом нужны были только четверки и пятерки. Пятерок у меня было предостаточно, а тройка закрывала передо мной дорогу в вуз. А в середине 1980-х годов поступить в вуз было практически не возможно: места были только бюджетные, конкурс достигал 20–25 человек на место.

Уже на выпускном курсе было решено, что я буду поступать на экономический факультет Тюменского индустриального института. В «Индусе» на втором курсе закрутилась моя научная деятельность, но продолжения так и не получила: к концу обучения мы (студенты) испытали на себе последствия разделения власти на кафедре, в конечном счете, наша кафедра была разделена на три самостоятельных. Этот период затрагивать не могу из-за этических соображений (все лица и сегодня продолжают работать в университете, внося вклад по своим направлениям деятельности). Из-за этого и интерес к экономической проблематике к концу обучения был погашен окончательно (чему я очень рада). Именно эти события привели к тому, что на распределении я отдала предпочтение не преподавательской работе на кафедре, а выбрала «неизведанность» в научно-исследовательском институте, где с самых первых месяцев работы я погрузилась в социологическую атмосферу. Я писала, что не успела приступить к работе, как получила задание на разработку программы проведения социологического исследования. Это было страшно, ответственно и увлекательно одновременно.

После получения социологической «прописки» я много работала под руководством Анатолия Николаевича Силина, он легко и уверенно раздавал «задания» на освоение новых социологических горизонтов, я стала писать научные отчеты, готовить статьи на конференции, неоднократно выполняла командировочные задания в Новосибирске, работала в Академгородке, где познакомилась с Юрием Владимировичем Попковым и Василием Васильевичем Мархининым, с которыми поддерживаю тесные научные контакты и сегодня (расскажу позже).

Проработав несколько лет я смогла поступить в аспирантуру Тюменского государственного университета к А. Н. Силину, который после реорганизации нашего отдела перешел на преподавательскую работу на кафедру социологии. Поступить в аспирантуру после окончания вуза можно было только благодаря связям или влиятельным родителям, не имея ни того, ни другого, я добросовестно отработала положенные три года. Мои научные интересы на первоначальном этапе формировались конъюнктурно — в начале 1990-х годов госбюджетная наука разваливалась, набирала обороты хоздоговорная наука. Социология оказалась на грани выживания, как и другие науки. В 1993 году Анатолий Николаевич как раз заключил договор с Комитетом по делам малочисленных народов Севера Администрации Ханты-Мансийского автономного округа. Он предложил мне заниматься социально-политическими проблемами коренных народов Севера, я предложение с готовностью приняла, более того, данная проблематика легла в основу моего диссертационного исследования. Поскольку коренные малочисленные народы округа проживали в местах своего исконного проживания, то для их изучения мы регулярно выезжали в районы Ханты-Мансийского автоном-

ного округа для проведения полевых исследований в национальных поселках, познакомились с традициями ханты и манси, их обычаями, обрядами, посещали музеи декоративно-прикладного искусства, встречались с руководителями общественных организаций (В. Гоголевой, Т. Молдановой, З. Рябчиковой), с представителями национальной интеллигенции (писателем Е. Айпиным, художником Г. Райшевым). По результатам исследований мы готовили не только научные отчеты, но и тезисы на конференции регионального, российского и международного уровня. На VI международном Соловецком форуме в Архангельске (в 1994 г.) я впервые выступала с докладом.

В 1993 году в рамках хоздоговорной работы я познакомилась и с Верой Владимировной Гаврилюк, которая работала на кафедре вместе с А. Н. Силиным и в научном проекте отвечала за вопросы образования детей коренных народов Севера. С В. В. Гаврилюк у нас завязалось не просто научное знакомство, а научное сотрудничество и научная дружба, которая продолжается и сегодня. Первый совместный отчет был подготовлен на тему «Изучение социально-этнической ситуации в Березовском, Белоярском, Октябрьском и Кондинском районах, разработка социологического мониторинга и моделей хозяйствования в новых условиях». Главным достижением в научной работе, стимулом к ее продолжению (не секрет, что к коренным народам Севера отношение было более негативное, чем к другим народам Советского Союза) явилась публикация моей статьи «Современные проблемы оптимизации традиционного хозяйства коренных народов Ханты-Мансийского автономного округа» в 1994 году в журнале «Социологические исследования», главном социологическом журнале СССР, а сегодня и России.

Интерес к проблематике коренных народов в научном сообществе возрос и укрепился и в связи с тем, что 1995 год был объявлен ООН годом коренных малочисленных народов Севера. С 1994 года я впервые столкнулась с деятельностью Научно-исследовательского института возрождения обско-угорских народов и руководителем отдела экономики традиционного природопользования Терентием Герасимовичем Харамзиным. Совместно мы готовили научные отчеты, а позже, когда и хоздоговорные работы перестали заключаться с вузами, мы на личном энтузиазме и за личный счет проводили мониторинговые исследования. Было опубликовано около десятка совместных монографий, подготовлено несколько кандидатов наук из представителей коренных народов.

В 1995 году я подготовила тезисы и выступила на Всероссийской научной конференции «Этнополитика на пороге XXI в.» в Казани, где познакомилась с замечательным человеком, доктором социологических наук Таслимой Гайсеевной Исламшиной, занимающимся этнической проблематикой. Моим руководителем как раз и была поставлена задача — найти известного социолога, который мог бы подготовить отзыв ведущей организации, поскольку кандидатская диссертация была уже готова. С последней задачей я успешно справилась. После возвращения домой, как мы условились, я отправила на суд Таслимы Гайсеевны диссертацию. Она мне позвонила и сказала строго, что пока я не переработаю первую главу, она мне не даст положительного отзыва. Поскольку отступить было некуда, я приложив все свои усилия, доработала первую главу диссертации по всем замечаниям и отправила диссертацию Таслиме Гайсеевне. После прочтения второго варианта диссертации Таслима Гайсеевна пригласила

приехать за отзывом, и я в третий раз (но не последний) поехала в Казань за отзывом. И, казалось, наше общение должно было закончиться, но вопреки трудностям (уже совсем скоро 20 лет) мы с Таслимой Гайсеевной поддерживаем тесные научные и личные контакты: мы обмениваемся статьями, пишем рецензии на авторефераты аспирантов, выступаем в качестве ведущих организаций и оппонентов, пишем совместные монографии, а главное — общаемся как научная мама с научной дочерью. В 2014 году ей исполнилось 75 лет, но она полна оптимизма, пишет статьи, монографии, а в юбилейном году и я участвовала в написании коллективной монографии казанских ученых «Российское общество 2010-х годов: связь времен и поколений».

Вы многое рассказали о том, как Вы начали изучать жизнь коренных народов Севера, с кем работали по этой тематике, и что она стала предметом Вашей кандидатской диссертации. А в чем, собственно, состояла эта проблема? Что ее породило?

Погружаясь в проблематику коренных малочисленных народов Тюменского Севера, я понимала, что она меня все глубже погружает (и затягивает) в исследование новых и новых проблем. Сначала это были экономические модели хозяйствования, затем элементы их социальной инфраструктуры, социальное самочувствие, потом межэтнические отношения, этнокультурная ситуация, культура, традиции, обычаи, традиционное мировоззрение... и не только северных этносов. Но сначала были ханты и манси...

Погружаясь в эту тематику, в начале 1990-х годов я не осознавала роли северных территорий, уникальности их природно-экологического и стратегического положения, почему они являются объектом промышленного освоения нефтегазовых компаний. Позднее я поняла, что безопасность северных территорий, их развитие и сохранение от техногенных, политических, социально-экономических и других катаклизмов является актуальной не только для России, но и для Канады, США, скандинавских стран. Из всех государств зарубежной Арктики больше общего с российским Севером у США (Аляска) и Канады, но у нас дело обстояло гораздо хуже, промышленное освоение шло более интенсивно и в менее цивилизованных формах. Если на Аляске вторжение в «буш» осуществлялось лишь в зоне добычи нефти и трансалаяскинского нефтепровода, то у нас шло тотальное наступление на земли коренных народов Севера, приводя к уничтожению оленьих пастбищ, охотничьих угодий, традиционных промыслов, к загрязнению рек, озер, и пр. А если к этому добавить последствия насильственной трансформации традиционного образа жизни в ходе коллективизации в 1930—1940е годы, огосударствление в 1950—1960х годах, внедрение рыночных отношений в традиционное хозяйство в 1990-х годах, то в регионе практически не осталось места для жизни и традиционных занятий коренного населения.

В современных условиях, когда мы являемся свидетелями отчуждения человека от природы, культуры, для меня изучение возможностей сохранения и развития культуры коренных народов Тюменского Севера (в равной мере ханты, манси, ненцев, сибирских татар), являющейся и сегодня синкретической, целостной, признающей абсолютную равнозначимость трех главных средовых составляющих «природа-общество-человек», стало (затянувшимся во всех отношениях) научным и жизненным кредо.

Уверен, есть специфика в изучении народов Севера, но, думаю, методология, на базе которой Вы вели свои исследования, носила более общий характер. Народы Севера, насколько я знаю, активно изучаются социологами ряда Скандинавских стран, американскими учеными. Одновременно, замечу, советскими учеными изучались проблемы малых коренных народов многих регионов страны, начиная от вепсов в Ленинградской области, до небольших этнических образований в Дагестане, в бывших южных республиках СССР. В какой мере Вы опирались на эту богатейшую методологию?

Проблемы коренных малочисленных народов Севера по-прежнему привлекают к себе внимание ученых, специалистов, общественности. Сохранить многообразие их культур, языки, традиции, самобытность – это неотложные задачи нашего поколения. Каждая научная школа имеет свой опыт решения аналогичных задач, предлагает свои пути развития, поэтому сегодня особенно полезно изучать результаты научных школ, анализировать опыт, исследовать ошибки и успехи. В своих теоретических исследованиях я анализировала опыт различных школ, но в докторской диссертации предложила свою методику изучения этнокультурной ситуации в северном регионе, которая позже была апробирована и при изучении жизнедеятельности ямальских ненцев, сибирских татар, представителей казахского населения и кавказских диаспор.

Мне хотелось бы обсудить подробнее сказанное Вами. Прежде всего, на основании каких критериев Вы (и другие исследователи) относите те или иные народы Тюменского Севера к «коренным» и «малочисленным»?

В истории российского государства существовало множество подходов к осмыслению положения иноязычного и иноверческого населения окраин («коренного» и «малочисленного»), что отражено в многочисленных документах и системе терминов. На раннем этапе освоения Московским государством Сибири наряду с «инородцами» использовались термины «туземцы», «чужеземцы», «инородцы». К числу последних приписывались целые народы, ведущие натуральное хозяйство, основанное на охоте, рыбной ловле, оленеводстве и зверобойном промысле. Период после октября 1917 года изобилует новыми терминами: туземцы Севера, племена северных окраин, северные народности и др., можно привести еще около 20 терминов. Термин «коренной» указывает на «изначальность» определяемого им населения и означает присутствие предков данной группы населения в Сибири в период ее освоения русскими. В 1925–1926 гг. был принят и законодательно закреплен список из 26 «малых народов Севера» (сегодня 29), которые выделялись по этническому признаку и особому характеру традиционных занятий – оленеводство, охота, рыболовство, морской зверобойный промысел – и связанными с этим особенностями быта (кочевание). В соответствии с нормами ООН, используется понятие «коренные народы, или народы, ведущие племенной образ жизни», которые находятся на менее высокой социально-экономической стадии развития по сравнению с остальным населением страны. В основах правового статуса коренных малочисленных народов России по отношению к ним заложены два параметра: качественный – проживание на территории традиционного расселения своих предков, сохранение самобытного уклада жизни, осознание себя самостоятельной этнической общностью; и количественный – численность в России не менее 50 тыс. человек. В совре-

менной государственной политике они занимают особое место, что отражено в Конституции РФ, которая гарантирует защиту прав и интересов в соответствии с общепризнанными принципами международного права, защиту их исконной среды обитания и традиционного образа жизни.

Безусловно Вы знаете картину В. И. Сурикова «Покорение Сибири Ермаком», законченную в 1895 году. Как в наше время трактуют историки поход Ермака? Есть ли своя интерпретация похода Ермака у коренных народов Севера? Конечно, я знакома с картиной Сурикова, в которой он стремился показать непоколебимый характер казаков под предводительством казачьего атамана Ермака в битве с татарами под предводительством хана Кучума. Историки преподносят, что это освобождение Ермаком Сибири от татарского хана Кучума, успешно начавшееся по приказу Ивана Грозного, который объявил войну хану Кучуму. В нашей Тюменской областной научной библиотеке им. Д. И. Менделеева хранятся более 160 трудов, подготовленных в различные исторические периоды на основе летописей, летописных известий, архивных документов по колонизации Сибири, о походе Ермака в Сибирь, о хане Кучуме и его потомках. Судя по имеющимся работам, однозначной оценки данного события нет. Определенная часть работ подталкивает к мысли, что это была колонизация Сибири (покорение), другая часть – освобождение Сибири, третьи спорят по некоторым вопросам «Ермакова взятия» «Кучумова царства». Этот вопрос является и сегодня дискуссионным, как и версия гибели Ермака, и о месте последнего сражения и месте захоронения. Мне кажется, настало время для анализа имеющихся в архивах летописей письменных источников для осмысления (или переосмысления) произошедших в конце XVI века событий. Прошло уже четыреста лет, но и сейчас татарское население не поддерживает рассказы о Ермаке, не согласны татары и с тем, что он освободил Сибирь, они – против скромного памятника, установленного в его честь в областном центре. Уверена, что в современных условиях нельзя манипулировать историческими событиями, которые могут привести к разжиганию межнациональной вражды и всплескам национализма.

Летом 2014 года я участвовала в этносоциологическом исследовании современной этноконфессиональной ситуации в регионах РФ (в частности, я проводила глубинные интервью с представителями духовенства, органов власти и верующими Тюменской области), которое проводилось Академией наук Республики Татарстан. По итогам данной работы и анализа архивных документов я подготовила статью в коллективную монографию, которая находится сейчас в печати. Важный вопрос, который мне следовало осветить в статье – процесс проникновения ислама в Западную Сибирь. Мне пришлось изучить большое количество исторической литературы. Работа меня увлекла, поскольку мне это было интересно не только (не столько) с научной точки зрения, а в связи с тем, что я исповедую религию, основы которой мне следовало описать – ислам. Посвящу и Вас в эту тему. Несмотря на имеющиеся сведения, вопрос о времени исламизации татар в Западную Сибирь остается дискуссионным. Однако большинство исследователей, благодаря публикации в 1905 г. «рукописи Н. Ф. Катанова», началом исламизации края считают конец XIV в., связывая это со временем прихода на берега Иртыша и Тобола в 1394–1395 гг. первых исламских миссионеров. Я не предполагала, что на первоначальном этапе ислам

насаждался насильственно, о чем говорят две древние рукописи, написанные представителями мусульманского духовенства Саидом Вакасом Аллакуловым и Кашшафом Абу – Саидовым, переведенные на русский язык и опубликованные Н. Катановым в статье «О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев в Западной Сибири». Согласно этим рукописям, из Средней Азии пришли вооруженные шейхи-проповедники («шейх», с арабского буквально старик, титул правителей княжеств) и учинили «великое сражение за ислам с язычниками и татарами» (татары ранее также были язычниками). Из 366 воинственных шейхов 300 погибли, 3 проповедника обосновались в Сибири, чтобы обучать основам своей веры местные народы. Остальные 63 миссионера, оставшиеся в живых, вернулись в Священную Бухару, чтобы доложить о выполнении задания. Позднее, когда ислам был повсеместно принят сибирскими татарами, самих шейхов стали почитать как святых, а их могилы называть «астана» (в переводе с арабского «астанэ» означает порог двери, вход во дворец) В вышеуказанной рукописи перечислено 29 священных захоронений (Астана), ставших впоследствии предметом культа святых мучеников (аулия) среди сибирских татар. Двум из них (Искерской и Баишевской) придан статус памятников истории и культуры федерального значения, остальным – статус памятников регионального значения. Некоторые из этих святых мест до сегодняшнего дня почитаются татарами-мусульманами и являются местами своеобразного паломничества.

У коренных народов Севера образы Кучума и Ермака в легендах представлены не так богато в отличие от тюркоязычного населения, хотя окончательный разгром Кучума произошел на Оби в 1598 г. Тем не менее в Ханты-Мансийске, Сургуте, Нижневартовске, Тобольске и др. северных городах Тюменской области проводятся конференции, чтения по спорным проблемам сибирского похода «дружины» Ермака.

В связи со сказанным Вами задам еще пару вопросов. Обсуждается ли сейчас социологами, культурологами, элитой коренных Северных народов тема руссификации, проникновения православия в культуру народов, которые долго оставались язычниками? Актуальна ли эта проблема сейчас?

Более двадцати лет я занимаюсь проблематикой коренных малочисленных народов Тюменского Севера и все эти годы, не как сторонний наблюдатель, участвую в обсуждении обозначенных Вами вопросов. Интерес социологов, культурологов, представителей национальной интеллигенции не снижается, наоборот, с каждым годом они ставят новые вопросы перед научным сообществом, требующие осмысления и обсуждения. В Ханты-Мансийске уже стали традиционными «Югорские чтения», проводимые в рамках Всероссийской научной конференции, где научные сотрудники Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, финно-угроведы округа и других городов России обсуждают проблемы коренных народов Севера, связанные с их жизнедеятельностью, традиционным образом жизни, традиционным природопользованием. Ученые докладывают результаты своих исследований на конференциях, проводимых в округе, по этнической истории, этнопедагогике, этнопсихологии, языкознанию и др.

С 2002 года Сургутским государственным университетом (ХМАО–Югра) издается научный и культурно-просветительский журнал «Северный регион: наука, образование, культура», главный редактор которого – уважаемый мной Василий Васильевич Мархинин, д.ф.н., профессор (мой оппонент по докторской диссертации). Благодаря усилиям Василия Васильевича тема русификации, проникновения православия в культуру народов, которые и сегодня остаются язычниками, отражается на страницах журнала. Подтверждением высказанного тезиса являются результаты исследований традиционного мировоззрения ханты и манси, проведенные в середине 2000-х годов моей аспиранткой. И сегодня в традиционном мировоззрении северных этносов существуют сверхъестественные существа (духи), представляющиеся не только в образе человека (это, например, «Золотая женщина» и «Обской старик»), но невидимыми, бессмертными, непостоянными в своей форме существами, способными мгновенно менять свое местонахождение в пространстве и, как правило, бесплотными (например, лесной дух, духи неба, водяной дух, духи нижнего мира и др.). Более того, каждый четвертый посещает священные места. Я должна признаться, что однажды сама приняла участие в обряде приветствия священного места. Я ехала в Полноват для проведения полевых исследований с сопровождающим меня хантыйцем. Не доезжая нескольких километров до места нашего пребывания, он попросил водителя остановиться и выйти всех из машины, включая меня, для приветствия священного места. Мы повернулись в указанную сторону, повернулись вокруг себя несколько раз, произнесли определенные слова и пригубили водку (так требовал обычай), а после благополучно прибыли к месту назначения. В традиционном мировоззрении ханты и манси священные деревья занимали важное место.

О том, что ханты и манси остаются язычниками, свидетельствует древняя церемония Медвежьих игрищ с мифическим сюжетом, которая проходит по особому сценарию: с реальными костюмами, масками, с обрядовой хореографией. На празднике проходил обряд отведения вины от себя – медведя «убеждали» в невинности охотников в его убийстве. «Медвежьи» пляски считаются академией духовной жизни обских угров, в них отразилось мировосприятие человеком единства всего сущего на Земле и во Вселенной. Сегодня этот праздник ежегодно проводится в местах компактного проживания обских угров. Добавлю, что сотрудниками Обско-угорского института прикладных исследований и разработок подготовлены и переданы материалы по досье на присвоение Медвежьим игрищам статуса Шедевра устного нематериального наследия человечества в ЮНЕСКО.

И вот мой второй вопрос: Есть ли в наше время у детей из татарских семей Тюмени, других мест Вашего региона и Сибири возможность изучать татарский язык, основы татарской истории и культуры? Что вообще в этом направлении сделано властными инстанциями?

На этнокультурное развитие детей различных этносов (и не только нашего региона и не только татарских детей, об этом свидетельствуют результаты исследований ученых) большое влияние оказывает родной язык. Родной язык (в нашем случае, татарский язык) должен (и может) поддерживаться и развиваться через этнокультурное образование, которое направлено, в первую очередь, на сохранение этнокультурной идентичности ребенка путем приобщения к родному языку

и культуре с одновременным освоением ценностей мировой культуры. По моему мнению, принятие идеи этнокультурного образования подталкивают к созданию национальной системы обучения и воспитания. К сожалению, в Тюмени существует незначительное количество общеобразовательных школ (и учреждений дополнительного образования) с этнокультурным компонентом. Расскажу о самой основной общеобразовательной школе, включающей в себя этнокультурный компонент, – тюменской школе №52. В 1992 году школа она была открыта как национальная татарская школа, в 1999 году стала школой с этнокультурным (татарским) компонентом. Основной идеей создания школы было (и остается) сохранение татарского языка и изучение народных татарских традиций. Сегодня в школе обучается 251 ученик, из них 87 % – дети татарской национальности, 13 % – других национальностей. Школа находится в д. Казарово. В школе изучается татарский язык и литература как самостоятельные предметы; ведется факультативный курс «Основы татарской культуры»; изучается татарская музыка, костюм, танцы, кухня и пр.

Вторым примером является Ембаевская СОШ, которая, не имея конкретно установленного этнокультурного компонента, поддерживает этнические составляющие татарского населения, приобщает детей к поддержанию татарских традиций, к изучению национального языка, сохранению культурных ценностей.

Многие годы в Тюмени успешно функционирует Центр творческого развития и гуманитарного образования «Этнос», созданный для формирования поликультурного образовательного пространства в городе, максимально удовлетворяющий потребности детей, семьи (и общества в целом) в этнокультурных образовательно-воспитательных услугах.

На мой взгляд, для нашего многонационального города такое количество учреждений с этнокультурным компонентом слишком незначительно. Учитывая, что сегодня в Тюмени проживают представители 143 национальностей, хотелось бы, чтобы школы нашего города стремились находить специфические формы для развития этнической составляющей у всех обучающихся, а не только у детей, которые переехали в новую для них этнокультурную среду. Ведь это очень важно для жизнедеятельности всего этноса, для сохранения культуры и поддержания (самое главное) гармоничных, безконфликтных отношений между детьми различных национальностей. Из своего опыта знаю, что дети особенно близко принимают и переживают все, что связано с ущемлением национальных чувств, проявлением национальной неприязни и пр.

Выше Вы заметили, что в своих теоретических исследованиях анализировали опыт различных школ, но в докторской диссертации Вы предложили свою методику изучения этнокультурной ситуации в северном регионе. Нельзя ли изложить два-три теоретических подхода, с которыми Вы не согласились, и показать, почему. Тогда яснее станет Ваша собственная концепция.

Проблематика коренных народов Севера, в которую я была вовлечена моим научным руководителем, легла в основу кандидатской диссертации, а потом переросла и в докторскую диссертацию. Безусловно, тематика изменила свою направленность: начинала я с социально-политических проблем аборигенных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа, которые обнажились в период крупномасштабного освоения Тюменского Севера, превратив наш

регион в так называемый «валютный цех» страны. Я никогда не могла предположить, что в середине 1990-х годов в большинстве населенных пунктов округа не может быть газа, электричества, что организм ханты и манси генетически не приспособлен к расщеплению алкоголя, что проблема роста алкоголизма и наркомании по своей остроте может превышать проблемы роста преступности и безработицы, приводя к нравственной деградации и маргинализации этноса в целом. Я не могла предположить, что обучение детей в школах-интернатах приводит к фактическому исключению семьи из процесса воспитания и обучения, что дети отрываются от традиционной культуры, языка, обычаев, а это приводит к формированию у них «комплекса неполноценности». Что многие девушки, получившие интернатское образование, остаются в городе и предпочитают быть матерью-одиночкой, родив ребенка без мужа, чем выйти замуж за мужчину своей национальности и вернуться в места традиционного расселения. Как следствие, местные парни остаются холостяками, спиваются и.... этот список может быть продолжен. И чем больше я погружалась в проблемы коренных народов, тем больше мне хотелось узнавать, изучать, видеть, писать.

В докторской диссертации я провела социологическую диагностику этнокультурной ситуации в северном регионе. Для этого были изучены многочисленные научные подходы, не буду перечислять здесь фамилии и имена отечественных и зарубежных исследователей, в трудах которых обоснованы наиболее общие закономерности культурных процессов, их историческая взаимообусловленность, зависимость от географических, природно-климатических особенностей среды, этнических, религиозных и других особенностей этносов. Но в них я не находила методологических оснований для исследования своей проблематики, проблематики коренных народов Севера, которые вели традиционный образ жизни в гармонии с окружающей их суровой природой и были вытеснены с традиционных мест обитания в связи с нефтегазовым освоением региона. Мне нужен был такой подход, который бы позволил зафиксировать сложившуюся ситуацию в жизнедеятельности северных народов на пороге третьего тысячелетия, что позволит в будущем проводить сравнительный анализ, выявлять тенденции, видеть зависимости, опираясь на полученные данные. Диагностировались социокультурные установки и взгляды, этническое самосознание, социальное самочувствие, межэтнические браки, межэтнические отношения, языковая ситуация, традиционное хозяйство, оценки социальных перемен и пр. Это позволило на протяжении двадцати лет проводить мониторинговые исследования социокультурной ситуации для прогнозирования ее развития в условиях происходящих перемен, а также предложить механизмы адаптации к социальным переменам, ограничения неблагоприятного воздействия на северную природу и эффективного использования духовных ценностей традиционных этнических культур. Прав был Ю. М. Федоров, когда говорил, что современная западная цивилизация должна пойти на выучку к тем реликтовым культам и культурам, которые еще содержат в себе человекосоразмерную цивилизованность. И, по моему мнению, именно культуры северных этносов, обладая архетипической глубиной ментальности, должны стать примером возрождения в нашей культуре.

Отвлечемся, Нурсафа, от хронологии. Вы упомянули тюменского философа и социолога Юрия Михайловича Федорова. Я с ним не встречался, но мне рассказывали о нем Ваши коллеги Вера Гаврилюк и Людмила Лебедева. Что

Вы могли бы рассказать о нем? В чем смысл его философских, социологических построений?

Я считаю себя достаточно сильным и независимым человеком, но в то же время интуитивно чувствую и осознаю необходимость опираться на опыт окружающих людей (мамин опыт вне конкуренции). Например, я прислушалась к напутствию Анатолия Николаевича Силина (моего научного руководителя и позднее консультанта) о необходимости продолжать научную работу после защиты кандидатской диссертации. Его слова о том, что если я остановлюсь хотя бы «на один день» в работе над докторской диссертацией, то ее защита может отодвинуться на годы или совсем не произойти. Недавно в воспоминаниях Софи Лорен я вычитала, что она за ночь прочла «Имя розы», решение пришло сразу — я должна прочесть это произведение, и я не пожалела.

Так случилось и с Юрием Михайловичем Федоровым, с которым лично я не была знакома, но по совету Веры Владимировны взяла почитать недавно вышедший тогда трехтомник «Сума антропологии». Это было в конце 1990-х годов, тогда я узнала, что он переехал из Москвы, работал долго начальником кафедры №1 (марксизма-ленинизма) в ТВВИКУ, потом в ТГУ и ТИИ. Знаю из рассказа, что это был высокий, красивый мужчина, ушедший рано из жизни, но оставивший после себя серьезные философские работы. Я прочла все три тома, признаюсь, что это мне далось с большим трудом. Во-первых, он философ и излагал различные философские теории своеобразным, только ему свойственным стилем. Моих студенческих познаний в философии, полученных от Клары Григорьевны Барбаковой (на втором курсе она читала нам философию), и при сдаче кандидатского минимума при поступлении в аспирантуру, было недостаточно для понимания авторской концепции. Мне пришлось окружить себя философскими, социологическими и энциклопедическими словарями, чтобы иногда даже поминутно заглядывать в них для понимания смысла используемых определений, который в них вложил Юрий Михайлович. Так продолжалось несколько месяцев.

Возвращаясь к Вашему вопросу, хочу отметить, что концепция Федорова была мне близка при изучении культуры ханты и манси, поскольку в ней продолжают сохраняться элементы, утраченные большинством современных людей, которые были вовлечены сначала в информационные процессы, а сегодня в условиях глобализации чувствуют себя «как рыбы в воде». Когда технический прогресс возьмет верх над природой (а это происходит уже повсеместно), может произойти (и уже происходит — Чернобыль, Фукусима, природные аномалии и пр.) техногенная катастрофа, после которой никто не выживет. И об этом он тоже предупреждает. Тогда его работы мне позволили глубже вникнуть в исследуемую проблематику, разглядеть то, что невозможно было увидеть на поверхности, заглянуть в те стороны жизни ханты и манси, о которых я не догадывалась, а на те, которые успела изучить — взглянуть по-новому, более осмысленно. Я поняла, почему северные народы берут от природы ровно столько, сколько необходимо для поддержания жизни, и почему современные люди берут столько, сколько могут взять от нее, не задумываясь, что наносят невосполнимый урон, почему в Коране написано, что не следует переедать, а ощущать чувство голода... и этот список можно продолжать...

В каком году Вы защитили докторскую диссертацию? Обсуждали ли Вашу

концепцию и Ваши выводы на различных научных конференциях? Как работа была воспринята коллегами? Прислушались ли хоть в малой степени к Вашим выводам, рекомендациям властные структуры области, регионов?

Докторскую диссертацию я защитила 19 декабря 2001 года. Поскольку я открывала работу диссертационного совета в 1995 году в университете (я защищалась первой среди восьми соискателей), то и докторский совет, считала, должна была открыть моя работа. Но Клара Григорьевна спокойно рассудила, что моя работа идет на декабрьский совет, а на майский совет докторская диссертация А. С. Гаврина У меня от неожиданности выступили слезы на глазах, а потом начался организационно-подготовительный процесс, так что я только-только успела все завершить к декабрю. И каждый раз в душе благодарила Клару Григорьевну за ее мудрое решение. Чего стоило мне убедить Анатолия Ивановича Шендрика, московского доктора наук, выступить официальным оппонентом. После предварительной договоренности Зинаиды Тихоновны Голенковой с Анатолием Ивановичем я вела с ним только телефонные разговоры, мы договорились, что официальное приглашение, автореферат и текст диссертации я привезу в Москву лично. Я полетела утренним рейсом, планировала вернуться вечерним. Приехала в университет к Анатолию Ивановичу, вручила все как договаривались. Первое, что он взял в руки, был автореферат, он начал читать его при мне и... выражение лица А. И. стало меняться. Выяснилось, что я неправильно указала его ученую степень. Я полагала, что он доктор философских наук (уточнить у него или у Зинаиды Тихоновны было нетактично, Интернета еще не было), а он в числе первых защитил докторскую по социологии культуры (вернувшись я перепечатала автореферат). Но на этом мои приключения в Москве только начались. В начале 2000-х годов в центральном аэровокзале можно было зарегистрировать билет и уехать Икарусом в Домодедово. Приезжаю в аэровокзал, выясняю, что последний автобус уже как десять минут уехал, договариваюсь с частником и еду в Домодедово. Интуитивно чувствуя, что мы опаздываем, он ехал то по встречной полосе, где по дворам, где на красный сигнал светофора, но и это нас не спасло — мы приехали за 25 минут до вылета самолета. Я рассчиталась, вышла из машины, зашла расстроенная в здание аэропорта, тут ко мне подходит мужчина с вопросом, что случилось, я объясняю, он забирает мой билет и паспорт (в таком состоянии я не успела подумать, что меня могут обмануть), уходит, возвращается минут через пять, провожает до дежурного... и меня одну на автобусе увозят к самолету. Такие невероятные случаи в моей жизни происходят часто, но Бог и молитвы моей мамы меня берегут.

Еще несколько строк посвящу Анатолию Ивановичу Шендрику. Он прилетел на защиту, выступал первым, как первый оппонент, сорок пять минут: тридцать из них хвалил работу, пятнадцать — критиковал. Спустя десять лет после защиты, 19 декабря 2011 года я позвонила всем своим оппонентам, научному консультанту, чтобы поблагодарить (мы так редко вспоминаем своих учителей) — Анатолия Николаевича Силина (д.социол.н., профессора ТюмГНГУ), Василия Васильевича Мархинина (д.ф.н., профессора, выходца новосибирской школы, последние годы он работает в Сургутском педагогическом университете), Владимира Иосифовича Бакштановского (д.ф.н., профессора, оппонента от диссовета) и Анатолия Ивановича, но его, к сожалению, уже нет в живых. Анатолий Иванович рассматривал культурологию как науку о современной действитель-

ности, он показывал, что культуролог превращает в научную проблему то, что на уровне обыденного сознания не вызывает сомнения, в этом смысле он заново открывает мир, срывает с него маску тривиальности.

Начиная с 1993 годы, мы проводили мониторинговые исследования в ХМАО с временным лагом два года. С результатами исследований я регулярно выступала на международных конференциях не только в России, но и в Швеции. Полученные данные регулярно обсуждались в Научно-исследовательском институте обско-угорских народов (г. Ханты-Мансийск), на заседаниях правительства округа; разработанный инструментарий был апробирован и в ЯНАО. Разработанный мной социологический инструментарий позволяет исследовать социокультурную ситуацию в любом регионе, получаемые результаты актуальны, вызывают интерес среди представителей научного сообщества и с завидной периодичностью становятся предметом обсуждения на научных конференциях, симпозиумах, круглых столах, чтениях и студенческих занятиях.

Вы очень рано стали доктором наук, в 36 лет. Вам не говорили: «Не спеши!», «Не лезь поперед старших!». Прошло много лет с тех пор, Вы наблюдаете, как дела идут в социологии...как Вы думаете, почему сегодня так заметно помолодел (в сравнении доперестроечными годами) состав докторов наук по социологии?

Я кандидатскую диссертацию защитила в тридцать лет, некоторые мои сверстники защитились через три-четыре года после окончания института. У меня все было сложнее: я писала выше, борьба за власть на кафедре, отношение к способным студентам на выпускающей кафедре (это самое основное) навсегда отбили желание писать диссертацию по экономике, в начале 1990-х годов я могла ориентироваться на экономический совет в Ленинграде. Спустя несколько лет у меня появилась реальная возможность исполнить свою (заветную) мечту: я поступила в очную аспирантуру ТГУ и через три года успешно защитила кандидатскую диссертацию. По результатам всех защит в 1995 году моя диссертация была признана лучшей, и на Ученом Совете университета мне вручили диплом и подарок – магнитофон фирмы «Panasonic» (в середине 1990-х годов это считалось роскошью).

Результаты дальнейших мониторинговых исследований, проводившихся каждые два года, стали оформляться в статьи, монографии, учебные пособия, обо мне стали говорить, на мои работы стали ссылаться, меня стали приглашать, включать в программы выступлений на конференции и пр. Это было стимулом для дальнейшей работы, а главную роль сыграло напутствие научного руководителя и предупреждение, что остановка в научных исследованиях смерти подобно для будущей докторской диссертации. Плюс полное включение и погружение в социологическую сферу, когда я себя уже не представляла в другой профессии, тогда я поставила перед собой следующую задачу – защитить докторскую диссертацию.

В 2000 году я показала свою монографию Кларе Григорьевне, она тогда была ректором Международного института, она пригласила к себе, это было очень волнительно. Я не знала, какой вердикт будет вынесет, а он прозвучал так «Нурсафа Гафуровна, монография выполнена на богатом эмпирическом материале, и я вижу, что по результатам проведенных исследований в ней есть задел для докторской диссертации, оформляйте и готовьтесь к защите». Вопросов о моем

возрасте у Клары Григорьевны, равно как и у других, не возникло. Сегодня (тогда я тоже так считала) я понимаю, что все было сделано правильно и своевременно. Человек существо разумное, поэтому в случае неудачи всегда находит себе оправдание и считает, что в случившемся виноваты обстоятельства или другие люди. Это проявляется у большинства людей, независимо от возраста, образования или пола. Ребенок будет оправдываться, что это не он сломал вазу, мужчины оправдывают свое нежелание идти в больницу загрузкой на работе, женщины отказываются следить за своим весом, ссылаясь на домашнюю работу и пр. А я тогда уже осознавала, что после пятидесяти активность человека, хочет он этого или нет, снижается (после тридцати генетически человек начинает стареть), поэтому старалась не растрачивать время попусту. Да и, честно говоря, мы тогда видели с экранов телевизора, что в президиумах съездов, собраний, конференций сидели убеленные сединами ученые, некоторых приводили и уводили под руки. А я не хотела и не хочу, чтобы это происходило со мной, поэтому стараюсь быть не только в научной, но и в физической форме (катаюсь на лыжах, на велосипеде, дружу с роликами, горными лыжами, большим теннисом, плаваю в бассейне и пр.).

Я думаю, что к такому осознанию приходят многие современные ученые. Например, я знакома с доктором филологических наук Ириной Советовой Карабулатовой, она защитила докторскую диссертацию в 34 года; на моей кафедре работает профессор Шарапов Роман Дмитриевич, он докторскую защитил в тридцать пять. Таких примеров много. Но мне хочется сказать, что и раньше ученые защищались в молодом возрасте, например, в 1960-е годы Виктор Легостаев защитил докторскую диссертацию по техническим наукам в возрасте 29 лет.

С момента защиты докторской диссертации прошло более десяти лет. Вы продолжаете разрабатывать тот же круг проблем или ушли в совсем новую область?

Безусловно, за тринадцать прошедших после защиты лет круг научных проблем и интересов расширился значительно. На это оказало влияние множество факторов, одним из них является сфера деятельности. В сентябре 2001 года ректор университета Николай Николаевич Карнаухов пригласил меня участвовать в его избирательной кампании по выборам в Тюменскую областную Думу (это была его третья, и в итоге успешная, попытка). Я отслеживала электоральное настроение тюменцев сначала ежемесячно, а в ноябре — еженедельно. У меня «на носу» была защита, сыну полтора года, а здесь такое задание ректора. Напряженными были эти четыре месяца, но Николай Николаевич победил (наши опросы прогнозировали его победу), а я успешно защитилась. В январе 2002 года он предложил мне должность проректора по учебной работе и довузовскому образованию, а 1 февраля я уже сидела в новом кресле и практически рыдала от того, что не могла понять, зачем мне это нужно. Два месяца во мне происходила борьба, я готова была пойти к Николаю Николаевичу с капитуляцией, но мой характер остановил меня. Тогда я новую работу наполнила социологией и в моем департаменте начались опросы абитуриентов, потом эксперименты по формам набора и качеству поступающих, через год мы отслеживали их успеваемость уже как студентов, через два года выявляли тенденции, формулировали выводы, вносили предложения в Правила приема и другие регламентирующие

документы. Мои сотрудники стали участвовать в опросах, обрабатывать результаты, писать тезисы на конференции, статьи в журналы, принимать участие в олимпиадах и научных конкурсах (успешно).

За семь лет работы проректором у меня появлялись, расширялись и укреплялись связи в новых сферах. Внося в них социологический опыт и знания, мы открывали новые для себя сферы – гранты Губернатора, РФФИ, ХМАО, Департамента занятости, Комитета по делам национальностей, хоздоговоры с Надымгазпромом, обучение резерва персонала северных предприятий и многое-многое другое. Новые сферы способствовали привлечению новых молодых учеников, которые вливались в научную социологическую работу, многие мои ученики защитили кандидатские, некоторые работают в нашем университете и сегодня.

В последующие годы я занималась управленческой работой в структурных подразделениях нашего университета (директор колледжа, заведующая отделением, заведующая кафедрой) и там я следовала полученному опыту – везде вносила социологическую искру. Результаты не заставили себя долго ждать: мы писали, побеждали, участвовали, завоевывали, получали награды. И на каждом последующем этапе расширялись контакты, связи, которые приводили к новым направлениям исследований, расширяя круг проблем и участников для их решения. Сказать хочется о многом, а главное – есть что сказать, например, о журнале Известия вузов. Социология. Экономика. Политика, с которым связана моя другая жизнь, другая частичка моего сердца, она требует отдельного разговора.

Помню, когда мы познакомились, Вы и были проректором. Какой кафедрой Вы руководите? Какую программу предлагаете студентам. Находят они потом работу? Какие курсы Вы лично читаете?

Кафедрой социальных наук я не руководила и даже не управляла, скорее, вела за собой небольшое педагогическое сообщество – 15 человек, ставших моими последователями. Я согласилась участвовать в выборах на должность заведующей кафедрой по просьбе ректора – Владимира Васильевича Новоселова. Все шансы победить у меня были, но конкурентную борьбу за эту должность я почувствовала на себе. Сомнений, что найду общий язык с коллективом, не было никаких, задача была – поделиться с педагогами моим накопленным опытом научных исследований, привлечь к новым (для них) формам научно-педагогической деятельности и подтолкнуть к саморазвитию и самосовершенствованию. Коллектив оказался пластичным, трудолюбивым, исполнительным. Наши студенты стали побеждать на олимпиадах, участвовать в конкурсах научных работ не только регионального уровня. Например, в прошлом году на конкурс, проводимый Федеральной службой судебных приставов, в Москву мы направили три работы. Преподаватели стали писать больше статей в журналы из перечня ВАК, из базы Scopus, монографий и учебных пособий. Индекс Хирша поднялся у всех.

А со студентами я стараюсь работать не традиционным способом (вопрос – ответ), а инновационными: они вовлекаются в научно-исследовательскую деятельность, пишут тезисы и участвуют в международных конференциях. А 26 ноября 2014 г. я проводила открытый урок на тему «Современное этнокультурное пространство Тюмени». В течение двух с половиной месяцев студенты занимались практической работой, основанной на анализе многочисленных источников

и авторских наблюдений, чтобы рассмотреть некоторые малоисследованные аспекты развития полиэтничности Тюмени (названное нами этнопространство), мы сделали исследовательский акцент на полиэтничной инфраструктуре нашего областного центра. В формировании нового полиэтничного облика Тюмени мы увидели реальные социокультурные изменения, в городе появились новые этнические инфраструктурные объекты, выявили толерантные и конфликтные элементы в их функционировании, рассмотрели их интегрирующий и разделяющий общественный потенциал. Работа была полностью индивидуальной, студентами были изучены такие инфраструктурные компоненты, как: организации, помогающие развитию полиэтничности в Тюмени; информационная сфера полиэтничного пространства; полиэтничная топонимика Тюмени; реклама и вывески на тюменских улицах; этнические кафе и рестораны; магазины Тюмени этнической направленности; религии и религиозные учреждения Тюмени и др. Добавлю, что готовых материалов по данной теме нет и скачать из Интернета подобные работы они не имели возможности (из-за отсутствия таковых). Вот так мы и работаем, изучая этносоциологию, социологию и политологию, управление персоналом, правовые основы управления персоналом, трудовое право, правоведение и др. дисциплины.

С А. Н. Силиным я знаком много лет, с 1985 или 1986 года. Мне кажется, он одно время работал в Павлограде (Казахстан). Что Вы знаете о его современной жизни, работе?

Как я писала выше, к Анатолию Николаевичу я пришла работать по распределению в 1988 году после окончания института. Под его руководством я стала социологом, защитила кандидатскую и докторскую диссертации. За четверть века мы с ним многое сделали: подготовили и опубликовали учебники по организационному поведению, управлению персоналом (из пяти один на казахском языке), менеджменту организации, управлению персоналом в нефтегазовой компании. В рамках межгосударственного соглашения между Россией и Казахстаном занимались подготовкой специалистов высшей квалификации (кандидатов наук). Участвовали в избирательных кампаниях Президентов, депутатов разных уровней, проводили экзит-поллы, выполняли хоздоговорные работы. Сегодня он работает профессором на кафедре маркетинга и муниципального управления, активно пишет монографии, занимается с аспирантами. На протяжении всех лет у нас сохраняются добрые дружеские отношения, мы интересуемся достижениями друг друга, детей, откликаемся на любую просьбу, мы постоянно созваниваемся, я благодарна Анатолию Николаевичу за его участие в моей жизни и думаю, что он относит меня к разряду способных и благодарных учеников.

Вы подробно рассказали о своих исследованиях коренных народов Севера. Участвуете ли Вы в более широких этно-социологических проектах? Какие общие и специфические проблемы для разных регионов России Вы могли бы указать?

В первую очередь я хотела бы здесь сказать о многолетнем опыте сотрудничества с Институтом социально-политических исследований РАН, который возглавляет Виктор Константинович Левашов. На протяжении многих лет они проводят в 12 регионах России анкетные опросы в режиме социологического мониторинга «Как живешь, Россия?». Я горжусь, что с 2003 года полевой этап

в Тюменской области проводится под моим руководством. Результаты исследований отражаются не только в тюменских изданиях, но регулярно в публикациях ИСПИ РАН и работах В. К. Левашова. Наше сотрудничество не замыкается только на проведении анкетных опросов, например, в 2005 году мы выиграли издательский грант Губернатора Тюменской области. Благодаря совместной работе вышла в свет монография под нашей редакцией «Тюменская область: наука и общество (социально-экономическое и этнокультурное развитие)», тираж который разошелся мгновенно. У меня остался всего один авторский экземпляр, но со всеми подписями авторского коллектива! В этом году мы готовим с Виктором Константиновичем коллективную монографию «Тюменская область: мост из Европы в Азию» с участием ведущих российских социологов.

В начале 2014 года судьба познакомила меня еще с одним прекрасным человеком, ученым – Розалиндой Нуриевной Мусиной (из Академии наук Республики Татарстан), которая обратилась с просьбой принять участие в проекте «Татары в регионах Российской Федерации: религиозное возрождение и проблемы идентичности в рамках Государственной программы «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2016 годы)». Я провела глубинные интервью с представителями духовенства, верующими и экспертами – представителями органов власти, отвечающими за данные вопросы в Тюменской области. С помощью полученной информации удалось показать общую характеристику конфессиональной ситуации в регионах компактного проживания татар, провести содержательный анализ процесса «религиозного возрождения» у татар, различных форм его проявления, роли ислама в этнонациональном самосознании, в ценностных ориентациях, этноконфессиональных отношениях.

На этом наше сотрудничество не закончилось, Розалинда Нуриевна пригласила меня в Казань на конференцию «Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации», приуроченную к 45-летию первого в отечественной социологии крупномасштабного этносоциологического исследования, проведенного в Татарской АССР. На конференции мне удалось установились новые контакты с коллегами социологами, этнологами, историками, психологами, которые уже реализуются. Например, с Верой Константиновной Мальковой, д.и.н., главным научным сотрудником Института этнологии и антропологии РАН, мы исследуем современное этнокультурное пространство. Согласуется план исследований с Флюорой Амировной Ильдархановой, директором Научно-исследовательского центра семьи и демографии АН РТ; Людмилой Васильевной Намруевой, заведующим отделом социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН и др.

Выше Вы написали еще об одной частице своего сердца – журнале. Пожалуйста, расскажите об этом подробнее.

Идея создания журнала родилась у меня в середине 1990-х гг. после знакомства с Ю. В. Попковым в Ханты-Мансийске на конференции по проблемам коренных малочисленных народов Севера. Забегая вперед скажу, через десять лет после нашей первой встречи. Институт философии и права Сибирского отделения РАН, где работал и продолжает работать Юрий Владимирович, выступил ведущей организацией по моей докторской диссертации. Я благодарна судьбе,

что на всех этапах моего жизненного пути (банально, но искренне) встречались и продолжают встречаться люди (ученые, представители органов власти разных уровней, бизнес-элиты, духовенства и пр., с которыми у меня сложились дружеские, творческие, доброжелательные контакты).

Юрий Владимирович уже издавал тематический сборник «Региональные этносоциальные процессы». И я тоже загорелась идеей, которая смогла воплотиться в жизни после защиты докторской диссертации, когда я занялась административной работой, придавшей импульс моей мечте. Название тематического сборника родилось быстро, больше времени потребовалось для рекламы сборника и сбора статей от авторов. Действительно, на первоначальном этапе авторов приходилось приглашать к участию в выпусках сборника. Под названием «Региональные социокультурные процессы» сборник вышел дважды: в 2002 и 2003 гг.

В 2004 г. появилась желанная идея издать журнал, мою идею поддержала Марина Львовна Белоножка, которая увидела (по моему мнению, единственная на тот период времени, да и в последующие годы) пользу издания журнала не только для университета. Тогда мы решили издавать журнал с периодичностью четыре раза в год. Главным редактором стал ректор Н. Н. Карнаухов, заместителем главного редактора была я. Избрали учредителей, членов редакционной коллегии, зарегистрировали журнал в федеральном государственном учреждении «Книжная палата», открыли подписной индекс в Роспечати, изменили содержание и формат сборника. Журнал становился привлекательным не только для региональных авторов, но и для авторов из других регионов России, ближнего и дальнего зарубежья. География авторов расширяется постоянно, многие авторы имеют желание поделиться результатами своих теоретических и эмпирических исследований на страницах журнала. На следующем этапе мы поставили задачу войти в перечень ВАК для того, чтобы аспиранты, докторанты и соискатели наших диссертационных советов могли публиковать результаты своих исследований. Для этого были проведены организационные мероприятия, подготовлены документы в соответствующие органы, были изменены название журнала и состав учредителей, усилен состав редакционной коллегии.

Наши усилия увенчались успехом, в июле 2007 г. журнал был включен в перечень ВАК по экономике, социологии, политике и праву. Последние семь лет журнал по-прежнему остается авторитетным изданием, в котором публикуют результаты своих исследований не только аспиранты и соискатели, но и ведущие российские и зарубежные ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Краснодара, Омска, Томска, Хабаровска, Красноярска, США, Франции, Германии, Китая, Казахстана, Украины и др. За 12 лет в свет вышли 42 номера журнала, юбилейный 35 номер читатели увидели в декабре 2012 г. на наших праздничных мероприятиях.

Работа зам. гл. редактора является общественной, но она меня поглощает на несколько часов ежедневно. Я переписываюсь с авторами, готовлю обзоры, формирую номера, работаю с сотрудниками, отвечающими за редактирование и верстку номеров, налаживаю контакты с коллегами из других журналов. Это позволяет расширять географию наших авторов, обмениваться статьями,

делиться опытом своей работы, повышать импакт-фактор нашего журнала, а главное – находить подтверждение тому, что мы конкурентоспособны и нам доверяют авторы.

В каких учебных заведениях Тюмени сейчас преподается социология, на каких факультетах выпускают социологов? В каких городах области готовят социологов, есть социологические центры, группы? Налажено ли сотрудничество между различными социологическими факультетами, центрами, обмен информацией и т.д.?

Социология преподается во всех тюменских вузах, на всех специальностях и по всем формам обучения, но социологов готовят только в нашем университете (Тюменском государственном нефтегазовом университете) и в классическом (Тюменском государственном университете). В Тюмени ежегодно проводится областная студенческая олимпиада, в том числе и по социологии. Безусловно, сотрудничество налажено и не только в сфере обмена социологической информацией, но и в сфере обмена педагогическим опытом. Например, на протяжении последних лет для чтения лекций и проведения практических занятий у студентов Института менеджмента и бизнеса, Гуманитарного института привлекается Игнатова Елена Васильевна, доктор PhD по социологии из Павлодарского государственного педагогического института (Казахстан) и Шеломенцева Валентина Павловна, д.с.н., профессор Инновационного Евразийского университета (Казахстан). В прошлом году я дистанционно преподавала социологию казахским студентам, а в июне ездила в Павлодар для приема экзамена. Распространенной и очень плодотворной формой сотрудничества является проведение международных научно-практических конференций с привлечением к участию не только профессорско-преподавательского состава, но аспирантов и студентов. Ежегодно на базе нашего университета таких конференцией организуется не менее пяти. Результаты социологических исследований публикуются в социологических журналах, вестниках, трудах наших вузов-партнеров не только из Тюмени, но и из Уфы, Орла, Москвы, Казахстана.

Пожалуйста, расскажите, действует ли у вас в регионе или в стране система повышения квалификации преподавателей социологии? Если да, приходилось ли Вам участвовать в этих занятиях и как преподаватель, и как обучающийся?

В России, в российских регионах и даже во многих вузах существуют программы повышения квалификации преподавателей социологии, но лично я в таких программах не принимала участие, зато обучала преподавателей других вузов. Вот и весной этого года по приглашению декана гуманитарного факультета, заведующего кафедрой «Политологии, социологии и связей с общественностью» Уфимского государственного нефтяного технического университета Гареева Эдуарда Сагидулловича буду проводить тренинги со студентами и преподавателями-социологами.

Возвращаясь к программам повышения квалификации, следует учитывать некоторые обстоятельства. Если раньше на курсы повышения вузы отправляли преподавателей социологии, то последние (не ошибусь) шесть-восемь лет это становится «головной болью» преподавателя. В условиях нестабильной ситуации, вузы (и не только) вынуждены сокращать расходы на обучение и повышение

квалификации персонала. Я помню все свои курсы повышения квалификации, которые помогли мне развить и усовершенствовать навыки и умения преподавателя и социолога, научили творческому отношению к любой работе. На первые курсы повышения квалификации я «попала» в 1995 г. в Вулвергемптонскую школу бизнеса (Великобритания) на три недели.

В 2004 году была Австралия. В команде восьми российских топ-менеджеров я знакомилась с образовательной системой Австралии, в том числе и программами повышения квалификации преподавателей социологии. Среди них были Петр Положевец, главный редактор «Учительской газеты», Надежда Васильевна Коноплина, ректор Сургутского государственного университета и др. Через год повышала квалификацию в Политехническом институте Южной Альберты в Калгари (SAIT Polytechnic), основанном в 1916 г. и являющимся полностью государственным учебным заведением Канады. За неделю я встретила с 15 руководителями различных программ, наибольший интерес вызвал Департамент корпоративного обучения и Центр технологии и усовершенствования навыков преподавания. Том Лобло рассказывал мне, как это происходит в университете, в том числе и среди преподавателей социологии и политологии. Еще я ездила в олимпийскую деревню (в 1988 году в Калгари проходили зимние Олимпийские игры), посетила музей канадских аборигенов, где узнала, что только Правительство Канады принесло официальные извинения аборигенам за ассимиляцию. Удалось увидеть настоящий хоккейный матч: это была благотворительная игра, после завершения которой все зрители бросали тысячи мягких игрушек разного размера на лед, а хоккеисты собирали их в маленькие грузовики прямо на стадионе. Рене Чернеки (руководитель проекта) объяснила мне, что игрушки предназначаются для больных детей и хоккеисты лично будут вручать больным детям собранные игрушки в больницах, клиниках. Я благодарна Рене, которая организовала мой визит после активного участия в серии канадско-российских семинаров. В 2006 году по приглашению Бюро образовательных и культурных программ Государственного департамента США я участвовала в программе профессиональных обменов «Корпоративное образование». Повышала квалификацию по направлению «Управление персоналом в зарубежных фирмах» в Ташкенте (Узбекистан, 2011 г.), в Павлодаре (Казахстан, 2012 г.). В 2011 г. прошла стажировку в ОАО УК «Мост», которая предусматривала социологический анализ системы управления торговым персоналом (Россия, Тюмень). Обо всех программах я могу рассказать много интересного, о людях, которые сопровождали меня, о достопримечательностях и культуре жителей данных государств.

Нурсафа, Вы много публикуете, какие книги, учебные пособия, по Вашему мнению, оказались наиболее успешными, отмечались ли они какими-либо профессиональными наградами?

Меня по жизни сопровождают заведенные мною же традиции, согласно одной из них, все опубликованные работы я сразу заносу в файл под названием «Список научных трудов». Первая запись в этом файле датирована 1989 годом. Таким образом, за период профессиональной деятельности (четверть века уже) опубликовано 350 научных трудов, включая 16 монографий и 17 учебных пособий, 3 электронных издания учебных пособий, зарегистрированных в «Информрегистре», 11 статей в изданиях, индексируемых в Scopus. База для

наград, как видите, наработана, и не случайно я побеждала в конкурсах: стала лауреатом премии им. А. Н. Косухина в номинации «За лучшее научное издание» за монографию «Социологическая диагностика этнокультурной ситуации» (2000 год); лауреатом премии им. А. Н. Косухина в номинации «За лучшее учебно-методическое издание» (2001 г.); победителем конкурса «Лучший учебник и учебное пособие» (2006 г.) за учебник «Управление людьми в организации: современные подходы и технологии». В 2009 году награждена дипломом в номинации «Лучшее учебное издание по экономическим наукам» Первого Сибирского регионального конкурса на лучшую вузовскую книгу «Университетская книга – 2009»; а в 2011 г. в номинации «Лучшее краеведческое издание» Третьего Дальневосточного регионального конкурса изданий высших учебных заведений «Университетская книга – 2011».

Не могу выделить среди них наиболее успешное, так как каждое издание я бы представила к какой-либо номинации, например, «самое первое издание» или «лучшее зарубежное издание», «лучшее краеведческое или правовое издание» и пр. Права была мама, когда спрашивала меня, «если укусить три пальца, какой больше будет болеть?»... чтобы понять, почему я здесь привожу это сравнение, следует прочесть интервью до конца.

Мы все о науке, преподавании. А как Вы проводите, если есть, свободное время? Где любите отдыхать? Успеваете ли читать художественную литературу? Считаете ли Вы себя театралом?

Многие мечтают, чтобы в сутках было не 24 часа, а несколько больше... и каждый по мере того, как он организует свое время, прибавил бы к суткам несколько часов. Я прекрасно понимаю, что этого не будет, поэтому стараюсь рационально и разумно организовать свой день, планирую на неделю, месяц, бывают события, которые записываю в ежедневник следующего года. Я стараюсь поддерживать здоровый образ жизни – это здоровое, полноценное питание, занятия физкультурой (не ради достижений): зимой ежедневно катаюсь на лыжах (до минус 26 выдерживаю), с весны до осени – на велосипеде, раз в неделю плаваю в бассейне, хороший сон и возможность отдыхать зимой на горнолыжных курортах, осенью на море. Свободное время появляется как раз во время катания или плавания, тогда мой мозг отдыхает, тогда я думаю, мечтаю...

Чтение – это отдельная тема. Я читаю для души художественную литературу разных жанров – в прошлом году наконец перечитала «Войну и мир» (три года собиралась), Э. Бронте «Грозовой перевал», Ошо, сейчас читаю роман о Микеланджело. Много приходится читать научной и учебно-методической литературы, которая необходима мне для поддержания квалификации и подготовки статей и монографий. Много времени отнимает не чтение, а вычитка и правка статей студентов, аспирантов, диссертантов, монографий, представляемых мне на рецензирование (последний библиографический указатель по сибирским татарам содержал 450 стр.). одновременно приходится работать со статьями авторов нашего журнала (каждый номер содержит около 30 статей), зачастую приходится самой их подрабатывать (сокращать, приводить в порядок список литературы, добавлять ключевые слова, исправлять аннотации и пр.).

Люблю театр, часто смотрю игру актеров, слушаю оперу (была в Сиднейской опере), балет (в Мариинке), но один из мюзиклов не уходит из моей памяти. Я писала, что в 2006 году по приглашению Бюро образовательных и культурных программ Госдепа США посетила Америку. Это 25 незабываемых дней в моей жизни. Во-первых, замечательная российская команда, во-вторых, наша программа предусматривала посещение около десятка крупнейших американских городов, университетов, достопримечательностей. Например, в Вашингтоне мы были у Белого дома, Капитолия, заходили в зал, где Президенты Америки обращаются к нации. В Далласе стояли на месте, где 22 ноября 1963 года убили Джона Кеннеди, в Сиэтле, самом зеленом городе Америки, посетили музей «Боинга» и др. Мы познакомились с двухуровневой образовательной системой (это было так интересно), которая только начинала внедряться в российских вузах после вступления России в Болонский процесс. Встречались с обычными американцами, которые принимали нас в своих домах, от них я впервые узнала про американский праздник Хэллоуин, который отмечается по всей Америке 31 октября. Наконец, для нас была предусмотрена и культурная программа, которая включала посещение мюзикла «Король лев» на Бродвее. Стараюсь ходить в театры и в других российских городах во время командировок, дома смотрю спектакли тюменской и приезжих трупп.

Может быть, в заключение немного расскажите о своей семье?

В семейном кодексе семья подразумевает наличие, наряду с супругами, родителей и детей. У меня, с формальной точки зрения, имеются все перечисленные члены семьи, но мама — моя, а папа — супруга. Они у нас — полноправные члены семьи, хотя постоянно не проживают с нами. Мама живет у нас только десять дней в месяц, поскольку остальные двадцать дней она делит между моими сестрами. С детства помню, на вопрос, кого она больше всех любит, она всегда отвечала: у меня три пальца (сравнение с тремя дочерьми) и если я укушу их, какой будет болеть больше? Я отвечала, что одинаково, «вот я и всех вас люблю одинаково» отвечала на это мама. Поэтому сегодня поровну «делит себя» между нами, поровну помогает, поровну звонит и беспокоится за нас.

У меня взрослая дочь, ее зовут Хадия (у нее имя моей мамы), она живет самостоятельно с мужем и двумя сыновьями — Рушаном (три года) и Асхатом (годик). Разница у мальчишек 23 месяца. Асхат — это маленький подарок для меня от дочки, он родился под моим знаком в год Змеи. Почему «подарок», потому что дочка, сын и супруг родились в один год — год Кота (Кролика, у них разница 12 лет), а теперь я не одна — нас двое. Хадия окончила наш университет по той же специальности, что и я, работает на кафедре экономики товарных рынков, подготовила кандидатскую диссертацию на тему «Ценностные ориентации личности в социокультурном пространстве межпоколенческого взаимодействия» и представила руководителю. После прочтения первого варианта рукописи Вера Владимировна Гаврилюк высказала замечания, рукопись уже доработана, и второй вариант лежит у нее на столе, ждем вердикта. Несмотря на то, что в целом теоретическая составляющая вопросов ценностных ориентаций и межпоколенческого взаимодействия в настоящее время в значительной мере разработаны, социокультурные аспекты взаимоотношения поколений «отцов» и «детей», преемственности на региональном уровне на основе типологизации практически не

изучались. На своем примере она испытывает и изучает эти взаимоотношения, ежедневно взаимодействует со своими родителями, видит и оценивает наши отношения с родителями, ощущает наше отношение к своим детям (внукам), и это помогает ей в исследованиях. Новизна ее работы заключается в том, что для построения социокультурной модели межпоколенческих взаимодействий в Тюменской области она использует типологизацию поколенческих групп на основе социокультурного кода (который недостаточно разработан в социологии культуры). Хочу, чтобы она обязательно защитила свою работу, тогда я буду по-настоящему счастлива. Наукой она занялась (по моему примеру) на втором курсе, участвовала в конкурсах научных работ, конференциях, сегодня имеет двадцать публикаций, около половины из них – статьи в журналах из перечня ВАК и Scopus.

Сыну 27 февраля исполнилось 16 лет, Дамир учится в школе-гимназии с углубленным изучением английского языка и успешно занимается с четырех лет спортивно-бальными танцами. На сегодняшний день пара считается в своей категории первой не только в Тюменской области, но и в УрФО. По стандарту (они танцуют и латинские танцы) в российском рейтинге за 2014 г. они были девятыми. Он здорово играет в футбол и знает о нем, мне кажется, все (кто, когда, в каком году и сколько забил, получил какой кубок, кто перешел и в какой клуб, и сколько стоит этот переход), гоняет на питбайке, на чтение времени остается мало: с утра до трех учеба, после школы многочасовые тренировки, в выходные дни участвует в соревнованиях. Супруг мечтал в детстве заниматься танцевальным спортом, но в нашем детстве к танцующим мальчикам относились неодобрительно, поэтому его мечта воплотилась в сыне. Нургали включен в тренировочный процесс Дамира, ездит с ним на соревнования в Екатеринбург, Челябинск, Пермь. Дамиру повезло, он занимается с замечательными тренерами и в 15 лет, после побед на крупных турнирах и первенствах ему присвоили и вручили нагрудный знак «Кандидат в мастера спорта».

Ну что же, Нурсафа, Вы не только многого добились в своей работе, но и дали рост династии социологов. Отлично.